

М. Ф. МУРЬЯНОВ

ОТРАЖЕНИЕ СИМВОЛИКИ АРТУРОВСКОГО ЦИКЛА
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XVIII ВЕКА

Круглый стол — это не только фраза, но прежде всего реалия дипломатического обихода, символически выдвигающая на первый план принцип равноправия участников политических или иных переговоров. Об истории Круглого стола как материализованного символа с таким назначением имеются данные только в работах по западной филологии,¹ на основании которых может создаться впечатление, будто Россия этого символа не знала. Между тем именно в преддверии XVIII в. и в самом конце его находятся свидетельства того, что в России этот символ был известен и у нас знали о его происхождении из рыцарской культуры западного средневековья.

Условимся с самого начала, что круглый стол в его чисто бытовом значении, который еще в 1833 г. Лермонтов назвал самой характерной принадлежностью русского интерьера XVIII столетия («В гостиной стояла свеча; эта комната была совершенно отделана во вкусе 18-го века: разноцветные обои, три круглые стола, перед каждым небольшое канапе», «Вадим», гл. III), до настоящего времени фигурирующий в научных каталогах старинной русской мебели,² из рассмотрения исключается, нас будет интересовать только ритуальный Круглый стол — символ.

Источники образа находятся в кельтском фольклоре. Круглый стол как символ равенства пирующих был поставлен Утерпендрагоном, отцом короля Артура; историчность последнего является нерешенным вопросом, и условно жизнь Артура относят к VI веку н. э.³ Мужья Артура, имеющие места за Круглым столом, — в древнейших версиях предания их было двенадцать, затем это число возрастало, — получили название рыцарей Круглого стола.⁴ Все они являются персонажами романов бретонского

¹ Дашкевич Н. П. Романтика Круглого стола в литературах и жизни Запада. Киев, 1890.

² Государственный музей мебели. Иллюстрированный каталог. М., 1925.

³ Chambers E. K. Arthur of Britain. London, 1966.

⁴ Ward L. Knights of the Round Table. London, 1964.

цикла, открытых в XVII в. после нескольких столетий забвения: о них появлялись статьи в «Мемуарах» парижской Академии надписей, в многотомной «Литературной истории Франции», издававшейся бенедиктинцами конгрегации св. Мавра; наконец, с 1775 по 1789 г. в Париже по инициативе академика Трессана выходила серийная «Bibliothèque universelle des romans», сыгравшая главную роль в популяризации западной средневековой литературы не только во Франции,⁵ но и в России; пока это были не издания текстов, а краткие пересказы содержания.

Стол Артура является земным аналогом мистического стола святого Грааля и его небесных рыцарей,⁶ а последний в свою очередь имеет в качестве прообраза стол Тайной вечери. На иконографическом материале можно убедиться, что стол, за которым сидят Христос и апостолы, изображался сначала круглым, прямоугольная форма засвидетельствована не ранее X в.⁷

В текстовом материале первое упоминание артуровского Круглого стола находится в поэме «Брут» англонормандского поэта Васа (1155):

Fist Artur la Rouïnde Table,
Dunt Bretun dient mainte fable.⁸

(Артур устроил Круглый стол, о котором бретонцы рассказывают много преданий). Одно из этих преданий легло в основу дошедшей до нас фрагментарно английской баллады «Король Артур и король Корнуэльский», в которой подмечена сюжетная близость с «Хождением Карла Великого в Иерусалим и Константинополь»⁹ — эпосом, в известном нам виде датировемым приблизительно 1100 г. Подобно тому как завязкой старофранцузского эпоса, известного также в древноревельском и валлийском вариантах, являются слова супруги Карла, что где-то существует властелин более значительный, чем он сам, и разгневанный Карл отправляется на поиски этого царя, в английской балладе королева Гиневера говорит Артуру, что в месте, которое она не хочет назвать, есть Круглый стол, несравненно лучший того, которым гордится Артур, и задетый за живое король с четырьмя рыцарями отправляется его искать.

Все сказанное позволяет по-новому прочесть то не обращавшее на себя внимания место в «Сборнике Кириши Данилова» (середина

⁵ Bossuat R. Manuel bibliographique de la littérature française du Moyen âge. Melun, 1951, p. XXXII—XXXIII; Gottesman L. The Arthurian Romance in English Opera and Pantomime, 1660—1800. — Restoration and 18th Century Theatre Research, v. 8. Chicago, 1969, p. 47—53.

⁶ Lagorio V. M. Pan-brittonic hagiography and the «Arthurian Grail Cycle». — Traditio, v. 26. N. Y., 1970, p. 29—61.

⁷ Lucchesi Palli E. Abendmahl: Lexikon der christlichen Ikonographie, hg. von E. Kirschbaum. 1. Bd. Freiburg i. Br., 1968, Sp. 10—18.

⁸ Tobler-Lommatzsch. Altfranzösisches Wörterbuch, 74. Lfg. Wiesbaden, 1970, Sp. 857—858.

⁹ Göller K. H. König Arthur in der englischen Literatur des späten Mittelalters. Göttingen, 1963, S. 171—172.

XVIII в.), где рассказывается, как герой былины «Иван Годинович» поехал свататься к дочери чужеземца (в вариантах — короля литовского, или датского, или князя ляховинского, или фантастического короля черниговского):

Привезавши коня к дубову столбу,
Походил во гридню во светлую,
Спасову образу молится,
Он Дмитрею-гостю кланяется,
Положил ерлык скоропищетою на Круглой стол.¹⁰

Балтийское направление поездки Ивана Годиновича за невестой, обозначенное во многих записях былины, далеко не случайно. В Восточной Пруссии фресковая роспись XIV в. в замке Лохштедт включает сюжет о короле Артуре,¹¹ на территории Немецкого ордена рыцарскими и патрицианскими фамилиями строились Артуровские дворцы (Artushöfe), они имелись в Торне (1310), Эльбинге (1319), Риге (1329), Данциге (самый большой дворец, построен до 1333), а также в Кульме, Браунсберге, Кенигсберге, Мариенбурге и Ревеле; вне Пруссии и Ливонии пемецкий Артуровский дворец был построен только в Штральзунде (1316), входившем в Ганзу,¹² как и Новгород Великий.

Эпоха петровских преобразований, коренным образом изменившая отношение России к Западной Европе, знаменуется, в частности, появлением первого русского, формально причисленного к латинскому рыцарству, — им стал боярин Борис Шереметев, посланный в 1697 г. с политической миссией на Мальту для согласования действий против Турции. Русский генерал-фельдмаршал был здесь со всеми почестями принят гроссмейстером ордена иоаннитов, 9 мая 1698 г. ему были вручены бриллиантовый орден Иоанна Иерусалимского и диплом о возведении в рыцарское достоинство.¹³ Менее чем через три месяца на Мальту прибыл другой высокопоставленный русский, стольник П. А. Толстой, будущий петровский министр; составленная им записка «Путешествие стольника Петра Толстого по Европе в силу царского указа» замечательна описанием обеда 24 июня 1698 г. в загородной резиденции гроссмейстера иоаннитов — обеда за Круглым столом!¹⁴ Шереметев, который был на банкете в этом же дворце, о форме стола не писал, но зато ему бросилась в глаза не отмеченная Толстым строго одновременная смена блюд перед всеми обедающими:

¹⁰ Сборник Кирши Данилова. М.—Л., 1958, с. 98; ср.: Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. М.—Л., 1960, с. 195, 225, 296.

¹¹ Helm K., Ziesemer W. Die Literatur des Deutschen Ritterordens. Gießen, 1951, S. 25.

¹² Reallexikon zur deutschen Kunstgeschichte, Bd. 1. Stuttgart, 1937. S. 1132—1134.

¹³ Записка путешествия генерала-фельдмаршала российских войск, тайного советника и кавалера Мальтийского, святого апостола Андрея, Белого орла и Прусского ордена, графа Бориса Петровича Шереметева. М., 1773.

¹⁴ Русский архив, 1888, № 2, с. 127—128.

«Ествы носили покоевые знатных отцов дети человек с дватцать, и ставили разом, переменяя ествы шесть раз».¹⁵ Эта особенность банкетного церемониала, подчеркивающая равенство пирующих за Круглым столом, противоречила русским понятиям.

Предромантизму в России сопутствовал такой интерес к рыцарскому средневековью, что даже казалось возможным говорить о «русском рыцарстве» в настоящем времени, как это видно из русского перевода повести «из самых древних записок английского рыцарства».¹⁶ Это знаменовало собой нечто новое по сравнению с оценкой рыцарских идеалов сквозь призму иронии Сервантеса, как это было обычным после того, как в Россию пришел «Дон-Кихот»¹⁷ и таким путем стали известны «славою неистовствующие рыцари, которых честь и бытие уничтожила сатира Дон Кишода».¹⁸ В представлении Радищева киевский князь Владимир «окружен всегда толпою славных рыцарей российских»,¹⁹ но и в одном беломорском варианте былины «Илья и Калин»²⁰ наряду с поразительно точно описанными посольскими обычаями татаро-монголов содержится указание на круглую форму стола в киевском дворце князя Владимира. Посол Батыя привез грамоту с требованием выдачи Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича:

Приехал тотарин на широкой двор,
Оставляя-то он добра коня-та среди он широка двора,
Сам заходит в полаты в княженеськия,
Он кинаёт скоро грамоту на Круглой стол,
Поворот он держал да всё вон пошел.²¹

Восшествие на русский престол Павла I, причудливые фантазии которого были известны всем, в том числе и иоаннитам, передвинуло «русское рыцарство» из неосязаемого предромантизма в область государственной политики. Став императором, Павел немедленно обменялся с орденом иоаннитов курьерской почтой и

¹⁵ Записка путешествия... с. 74.

¹⁶ Рыцарь добродетели. СПб., 1792.

¹⁷ Об истории «Дон-Кихота» в России начиная с упоминания в книге 1720 г., отредактированной Петром I и содержащей пояснения, кто такие «квалеры Круглого стола» (Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1955, с. 301), см.: Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX веков. Л., 1964, с. 48, 62—66.

¹⁸ Десницкий С. Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным, в публичном собрании имп. Московского университета говоренное. М., 1770, с. 25.

¹⁹ «Бова» (1799): Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. I. М.—Л., 1938, с. 32.

²⁰ Об этом памятнике эпоса см.: Азбелев С. Н. Былины об отражении татарского нашествия. — В кн.: Русский фольклор, т. 12. Л., 1971, с. 174—179.

²¹ Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901, с. 46—47 (запись 18 июня 1899 г. в Нижней Зимней Золотице от 45-летней Аграфены Матвеевны Крюковой, неграмотной).

4 января 1797 г. подписал конвенцию о принятии Мальты под свою протекцию и введении ордена в пределах России. 26 февраля 1797 г. — до коронации! — состоялась закладка Михайловского замка, единственного замка в истории России; проект был разработан В. И. Баженовым в 1792—1794 гг. для постройки в Гатчине, но сейчас Павел решил строить его в центре Петербурга, и с такой поспешностью, что для бесперебойного обеспечения строительными материалами были разобраны некоторые незаконченные столичные сооружения, в том числе большой дворец в Пелле на Неве.²² 2 ноября 1798 г. Павел принял звание гроссмейстера ордена иоаннитов, это событие воспела державинская ода «На Мальтийский орден», живописующая торжество в Зимнем дворце:

Звучит труба, окрестны горы
Передают друг другу гром:
Как реки, рыцарей соборы
Льются в знаменитый сонм.²³

В императорских дворцах, построенных в годы правления Павла, важнейшие парадные помещения оформлены как вместительный зал рыцарского Круглого стола — таков круглый Итальянский зал дворца в Павловске, являющийся композиционным центром здания и занимающий два этажа по высоте,²⁴ таковы круглый Мальтийский тронный зал и Овальная гостиная в Михайловском замке.²⁵ Их мебель до нас не дошла.

Павел I относился к своим мальтийским делам в высшей степени серьезно, на проекты реорганизации и развития ордена он тратил времени больше, чем на любой другой вопрос государственной важности, и почти ежедневно назначал все новых кавалеров и командоров; мальтийский крест был включен в герб Российской империи и арматуру гвардейских полков. Под личным руководством Павла вырабатывались планы превращения Мальты в лучший в мире военный институт и крупнейший научно-технический центр,²⁶ предусматривалась новая структура ордена, который отныне должен был подразделяться на классы моряков, сухопутных рыцарей, государственных деятелей и ученых; Павел даже признал, что доступ в класс ученых должен быть открыт для тех, кто этого заслуживает по своему интеллекту, без социальных ограничений. Немалая уступка духу Просвещения со стороны монарха, несправедлившего этот дух!

²² Памятники архитектуры Ленинграда. Л., 1972, с. 120.

²³ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота, т. 2. СПб., 1865, с. 213—214.

²⁴ Кучумов А. М. Павловск. Л., 1972, с. 32.

²⁵ Краткая историческая справка об Инженерном замке со времени его возникновения. СПб., 1914.

²⁶ Paul der Erste, russischer Kaiser, als Großmeister des Malteserordens. Aarau, 1808, S. 23—26.

Рыцарские фантазии русского императора натолкнулись на жесткую политическую реальность: пока в Петербурге составляли списки новой мальтийской администрации и гарнизона из 3000 русских офицеров и солдат, 4 сентября 1800 г. союзник России по Второй европейской коалиции Англия силой захватила Мальту и дала понять, что не собирается оттуда уходить. Припадок ярости Павла I, потребовавшего от английского посла Витворта убраться из Петербурга и начавшего приготовления к войне с Англией, имел своим последствием дворцовый заговор, в котором паковавший чемоданы английский посол принял самое деятельное участие. В конце февраля 1801 г. в Балтийское море вошла эскадра Нельсона, а в ночь на 12 марта Павла не стало.²⁷ Местом умерщвления был только что законченный Михайловский замок, воплощение рыцарской мечты, так и не увидевший в своих стенах церемониалов Круглого стола.

Конечно, Павел I по своим политическим взглядам и личным качествам менее всего подходил бы к роли идеального монарха за Круглым столом равенства. Дело обстояло как раз наоборот, и впоследствии Ф. И. Бруннов, блестящий и насмешливый ум которого снискал ему славу Нестора русской дипломатии, охарактеризовал взгляды Павла на мальтийский орден как на «учреждение, где дворянство всех европейских государств должно было черпать чувства чести и верности, необходимые ему для того, чтобы противиться воцарению идеи равенства, которая уже готова была охватить все слои общества».²⁸

---

²⁷ Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. М., 1962; Окунь С. Б. Дворцовый переворот 1801 г. в дореволюционной литературе. — Вопросы истории, 1973, № 11, с. 34—52.

²⁸ Сборник Русского исторического общества, т. 31. СПб., 1880, с. 234.